

Владимир Земша
За Русь

*Глас Владимира
Мономаха*

Владимир Земша
За Русь. Глас
Владимира Мономаха

«Издательские решения»

Земша В. В.

За Русь. Глас Владимира Мономаха / В. В. Земша —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834166-3

Рассказ, как отрывок из романа «На переломе эпох». Философские рассуждения о добре и зле, повествование о подвиге Великого князя Киевского Владимира Мономаха и его трудах за Русь. О событиях, происходящих в СССР в 1990-м году на фоне разрушения «социалистического лагеря».

ISBN 978-5-44-834166-3

© Земша В. В.
© Издательские решения

Содержание

Добро и зло	6
Сон	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

За Русь
Глас Владимира Мономаха
Владимир Валерьевич Земша

© Владимир Валерьевич Земша, 2016

ISBN 978-5-4483-4166-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Добро и зло

*Декабрь 1990 г. Хабаровск.
Ул. Истомина, 44.*

Вот и сгорел ещё один день. На темнеющей улице было не холодно, всего-то градусов двадцать ниже нуля. Снег мягко искрился в воздухе за окном, расписанным узорами инея. Замороженные пельмени в мешочке висели, привязанные к оконной раме, ожидая часа своего гастрономического триумфа, своего «выхода в свет». По подоконнику прыгал снегирь, аккуратно склёвывая примёрзшие зёрна пшёнки, специально высыпаемые ранее для этих птах.

– Сегодня встретил неофашистов, – Влад перемешивал ложкой наваристый мамин борщ.

– Каких ещё неофашистов? – мать посмотрела на него с недоумением.

– Самых что ни на есть настоящих!

– Да? А почему ты так решил?

– Да на них была соответствующая атрибутика. При этом все лысые!

– Может, это только лишь одежда. Дань моде. Юношеский нигилизм. Потом всё это пройдёт. Многие через подобное проходили в юности.

– Знаешь, я лично через это не проходил. И ты это прекрасно знаешь. Увлечение фашизмом не является обязательным связующим звеном между ребёнком и взрослым. А проявления нигилизма могут выражаться и в другом! Мы в школе тоже выражали свой нигилизм, своё несогласие с устройством общества. Спорили с учителями на уроках литературы и обществоведения. В училище мы находили массу расхождений в поведении отдельных партийных руководителей, командования с теорией научного коммунизма, работами Маркса и Ленина! Мы отрицали и открыто спорили!

– А ты за забор училища когда-нибудь выглядывал? Видел там толпы панков, хиппи?

– Виде-ел! Да... Их бы всех в армию! У нас бы их быстро научили Родину любить! Но от панков и хиппи всё же хоть вреда поменьше, чем от неофашистов. – Всё это когда-нибудь перерастёт. Ты видел когда-нибудь дедушку с бритой головой? Куда они все деваются?

– А я думаю, что никуда не деваются, потом такие вот дяди-пере-ростки молодёжь и воспитывают в таком же духе. Ну, никогда бы не подумал, что фашисты могут быть русскими. Я бы им жару задал бы!.. – он потряс кулаком и стукнул по столу.

– Ну, ты с ними, с бритоголовыми-то, всё же лучше не связывайся, – мать беспокойно посмотрела на сына, – и не задерживайся допоздна, как вчера. А то мы с отцом переживаем. Спать, пока ты не вернёшься, не ложимся.

– Мам! Я уже взрослый. Ты же не волнуешься, когда я там, в армии, а там у меня всяк случается.

– Ну, то там, а здесь ты для нас всегда ребёнок, – мама погладила сына по голове.

– Мам, я вообще-то ротой командую, можно сказать. На мне такая ответственность! Так здесь-то, дома, справлюсь уж как-то с самим со-бой. Какой я ребёнок-то?

– Ладно, ты не сердись. Сам поймёшь потом, когда вырастешь.

– Да вырос я уж давно!

– Вот дети когда у тебя появятся, тогда и поговорим об этом!

– Да ты не обижайся. Я понимаю. Просто не нужно меня ребёнком— то называть. Какой я ребёнок? Я офицер! – он сам усмехнулся от сказанного, вспомнив слова Ярмольника в фильме про Мюнхгаузена.

– Ну, не буду, не буду, – улыбнулась мама, – давай тебе второе поло-жу, – добавила она, увидев, что борщ в тарелке уж иссяк.

– Давай! Так вот, всех фашистов-то этих, всех видов и национальностей, наверняка одни и те же типы поддерживают.

Вообще, не могу понять, по логике, русские фашисты должны ненавидеть тогда других фашистов, ан, нет, у них Гитлер кумир! Как это вообще возможно, при том, что столько наш народ пострадал в годы войны, в ум не возьму!

– Многое, что сейчас творится, трудно в ум взять. Ты, главное, себя береги. Держись подальше. Они так, может, и не опасны особо. Всё же русские, не немцы.

– Русские!?! Да лучше бы они немцами были! Сталина нет, он бы всех их к стенке! – Влад хлопнул ладонью по столу.

– И не говори. К стенке! Но помни, что одно зло рождает другое, даже если оно и совершается во благо.

– Ой, мам, только не надо мне про толстовское «непротивление злу насилием». Добро должно быть с кулаками. Я бы их поубивал как собак и рука б не дрогнула.

– Страшное ты говоришь, сынок. Ну как можно человека убить, даже если он оступился. Ты ж у меня не убийца.

– Ну да, не убийца. Да, конечно. Мне тут и один мой боец-тренер по кунг-фу, тоже говорит, мол, когда борешься с врагом, сам становишься на него похож. Ну а как не бороться-то с ними?

– Это не наше дело, Владик, с ними бороться. Пусть милиция с ними борется. Они за то свою зарплату и получают. А мы люди маленькие. Чё нам на рожон-то лезть?

– Так многие говорят. Делают вид, что ничего не происходит. А чё ждать-то? Пока беда сама постучится в дом? Не нужно ждать, пока эта беда сама придет в семью, чтобы понять, наконец, что это напасть есть. Они уже среди нас и с каждым днем их становится больше. Сколько люди будут вести страусиную политику, пряча головы в песок? Неужели история никого ничему не учит? Зло разрастается очень быстро. В Германии-то же вон, сидели в иллюзиях. И мы сейчас даже не замечаем эту проблему, потому что даже не всегда знаем, как фашистов отличить от обычных людей. Чего мы ждем? По нашей тридцать седьмой школе уже открыто ходят подростки в атрибутах этого движения, а училки не врубаются, все «дети-дети», всё «шалости», всё «молодёжная мода», а эти детки уже полные готовые отморозки.

– Отморозки они и есть! Вон, с полгода назад такие же нашего соседского парня отлупили, да так, что тот в больнице лежал. А с отморозками лучше не связываться.

– Кого отлупили-то? Ваську что ли?

– Его.

– За что?

– Ни за что. За то, что еврей, может.

– Вот, сволота. Как он сейчас-то?

– Да ничего, вроде. И почему только евреев все так не любят, не только фашисты. В толк не возьму.

– Не знаю. Но евреи сами как фашисты, порой, когда себя за особых держат. По моему, любое утверждение о собственном превосходстве над другими и есть самый настоящий нацизм. Но бить человека за то, что он еврей – последнее дело. Таких самих нужно бить. Я ж и говорю, что с нацистами необходимо бороться. А ты меня всё пытаешься успокоить.

– Но мы-то что можем, сынок! Чем мы можем-то тут помочь?

– А хотя бы поддержкой моральной. А иначе, если от беды будешь бегать, то она сама к тебе и придёт.

– Ладно, борец! Котлету ещё подложить?

– Ух, негоже на ночь то много есть, а ну, давай.

Ароматный запах сочных котлеток, которые таили во рту, был настолько соблазнителен, что невозможно было устоять.

– Это настоящая мечта нильского крокодила! – Влад отломил вилкой очередную котлету...

– Да, кстати, тут посылки тебе пришли, наверное, родители твоих солдат напisyлали своим детям передать. Вот извещения. Как ты только это всё дотащишь?

– А-а-а! Дай-ка! Хорошо, схожу завтра на почту. Ничего, дотащу. Что поделать, ждут бойцы же передачи из дома! Ладно, что не впихну, отправлю назад. Ах, ну ещё добавочку подкину, на сон грядущий!.. – он поднялся к источающей божественный, если так можно сказать, аромат мясных котлет, сковородке... Мама улыбалась...

Сон

Колючий ветер в лицо. Высокая мокрая изумрудная трава под стройными жилистыми конскими ногами, блестящая чистыми каплями под степным жёстким половецким солнцем. Он шёл неудержимой рысью, пружиня сильными ногами в стремях, впереди небольшого войска. Красный плащ развевался сзади. Конусообразный золоченый княжеский шлем грозно увенчивал смуглое лицо. Стриженная на скандинавский манер чёрная борода горделиво обрамляла твердо сжатые смуглые скулы. Перевалив за косогор, князь увидел перед собой готовое к бою, идущее навстречу несметное воинство, подобно чёрной туче вдруг окружившей горизонты вокруг. Русское войско сзади заколебалось при виде превосходящих сил противника, сбавило ход.

– Половцы! – сказал кто-то сзади.

Он обернулся.

– За мной, порубим гадину! За Русь!

– За Русь! – вторило войско.

Резкий протяжный «вжик», выходящего из ножен, восторженно сияющего на солнце острым лезвием княжеского меча. Грозный звук выходящих из ножен сотен мечей сзади.

Он не видел лиц ворогов. Лишь чёрную массу нечисти, подобно дракону, разбросавшую свои главы конными лавинами впереди. Его собственный конь летел галопом, закусив желтоватыми зубами удила, из яростно открытого рта которого летели брызги слюны. Вперёд. На встречу с противником, объявившим собой горизонты.

Князь врезался в ряды ворога, рубанул мечом по диагонали. Сверху вниз. Раздались крики ужаса. Тут же протянул мечом снизу вверх. Сно-ва – брызги крови и хрипы. Он совсем не видел людей вокруг. Лишь искривлённые гримасами маски ворогов. Видя решительность своего бравого князя, русское воинство с криками: «Вперёд, за Мономахом!» бодро врезалось во вражескую тучу.

Окровавленный меч князя поднялся вверх и резко опустился вновь. Ещё одна половецкая голова покатила по траве... Совсем ещё юная голова. Этому юноше едва ли исполнилось четырнадцать лет. Князь на миг остановился.

– Не смотри на него. Это лишь твой враг, – послышался голос откуда-то снизу. Князь посмотрел вниз, но ничего не увидел, кроме кровавого месива земли под копытами своего разгорячённого коня.

– Не щади врага, даже юного, от одного врага вырастет сто недругов в скором будущем. Проявление жалости – губительное проявление слабости, такова диалектика! – снова раздался голос с хрипотцой снизу.

Князь, застывший на миг, вновь врезался в самую вражескую гущу, не обращая более внимания на головы, которые он сек с остервенелой неистовостью.

Но тут на месте одной головы, как у Змея Горыныча, тут же выросло две, размножая число врагов. Он снова махнул мечом, зарождая новый удар сразу же, едва завершив первый, сливая их в единое молниеносное движение блестящего клинка. И ещё две головы упали на траву. Но и без того бесчисленный враг лишь размножился, подобно мифическому дракону с каждым ударом меча. И вот враг уже буквально повис на его богатырских руках. Множество половецких кривых мечей пронзило гордую сильную княжескую грудь. Он упал на помятую окровавленную траву... Русское войско, увидев гибель своего князя, дрогнуло...

Он упал, и Тимофеев тут же проснулся. Сердце колотилось. Грудь всё ещё чувствовала боль от кривых вражеских мечей. В аквариуме плеснулась рыбка. Тимофеев в темноте, наощупь, вышел на кухню. Выпил воды, умыл лицо.

«Вот как оно. Чем больше мы сражаемся со злом, совершая даже нечаянное, вынужденное зло, тем ещё больше его же и порождаем. Вот она, какая диалектика. Зло невозможно просто убить, не дав ему возрождения. Вот оно откуда толстовское «непротивление злу насилием»! Борьба со злом, порой с неоправданной жестокостью, превращает добро в злодеяние. Но ни одна идея, замешанная на зле, не может иметь оправдание, ибо порождает такого размаха зло, которое сметает всё то доброе, ради чего всё это было затеяно. Старлей посмотрел в тёмное окно, прогоняя приснившееся. Вернулся в кровать...

Снова он чувствовал себя в седле. Его конь встал на дыбы, ударив копытами половецкого воина. На этот раз князь видел полные ожесточённости лица врагов вокруг. Врагов, но всё же людей. Он поднял меч вверх, но не опустил его острое лезвие на новую голову. Спрыгнул с коня, воткнул свой меч в землю в знак примирения. Ближайший окровавленный половецкий меч резко опустился на голову безоружного князя, которая тут же покатила по траве, кувыряя весь мир вокруг, подобно карусели. Множество половецких кривых мечей пронзило гордую княжескую грудь. Он упал безжизненно, обезглавленный, на помятую, залитую кровью, траву. Войско, увидев смерть князя, дрогнуло...

Едва мир вокруг опрокинулся в его отсечённой голове, Тимофеев снова проснулся. Сердце колотилось, а шея чувствовала боль. Он по-тёр шею. «Ух! Ну и приснится же!» Раздался скрип половиц от соседей сверху и последовавший приглушённый шум сливаемой кем-то из санитарного бачка воды. Тимофеев поднялся, спустил с кровати ноги на холодный пол. «Вот вам и пресловутое «непротивление»! Однако существует ли добро само по себе? Есть ли добродетель, как «вещь в себе»? Как можно понять, что есть добро, что есть счастье, без боли, без страданий, без зла? Выходит, познать благодетель возможно, лишь испытав всю тяжесть чужих злодеяний, пройдя лично через страдания, лишения, боль. Те, кто сам не познал боль – не могут иметь сострадания, не осознают, причиняя боль другим. Видимо, оттого-то господь и посылает нам испытания...

Он посмотрел в темноту комнаты, опустился на подушку и снова уснул.

Княжеский конь встал на дыбы. Снова увидев полные ожесточённости, испуганные лица врагов вокруг, он поднял меч вверх и, резко поднеся его к голове неприятеля, вдруг резко остановился. Поднял вверх руку в знак примирения. Русские воины, увидев намерения своего князя, остановили сечу. Половцы, приняв перемирие, удерживая рвущихся в бой коней, ставили их на дыбы. Опускали красные от крови мечи. Вскоре появились несущие дары статные половецкие женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.